

Экономическая история**НОВЫЙ КУРС Ф. РУЗВЕЛЬТА:
РЕВИЗИЯ ПОЛИТИКИ
И ЕЕ РЕЗУЛЬТАТОВ****Павел УСАНОВ**

Павел Валерьевич Усанов —
кандидат экономических наук, доцент факультета
сравнительных политических исследований
Северо-Западного института управления, РАНХиГС
(РФ, 199178, Санкт-Петербург, Средний пр., 57/43).
E-mail: usanovpv@mail.ru

Аннотация

Новый курс Франклина Рузвельта принято рассматривать как пример успешного регулирования экономики. После смерти Рузвельта его образ подвергся глорификации, и до последнего времени факты, создающие совершенно иной образ Нового курса, были малоизвестны. В данной работе исследованы начатые еще Гербертом Гувером программы Нового курса, регулирующие промышленность, сельское хозяйство, рынок труда и финансовые рынки, которые продлили Великую депрессию. Рассмотрены также действия администраций, созданных Рузвельтом в период Великой депрессии, которые регулировали минимальные цены, заработную плату, объемы производства. Особое внимание уделено NRA (National Recovery Administration), которая имела беспрецедентные полномочия, соединяя в себе исполнительную, законодательную и судебную ветви власти. Никогда еще до этого в США не проводилась подобная интервенционистская политика. Именно на ней лежит ответственность за то, что восстановление оказалось настолько медленным и болезненным. Великая депрессия началась как обычная фаза экономического цикла, вызванная кредитной экспансией ФРС, увеличившей денежную массу с 1921 по 1929 годы на 62%. Она бы закончилась через год, как и предыдущий кризис 1921 года, если бы не интервенционистская политика Гувера и Рузвельта. Общество согласилось на политику централизации в период Великой депрессии, так как общественное мнение было подготовлено к этому интеллектуалами Прогрессивной эры. Они смогли убедить публику в том, что и в США пришла эпоха активной роли государства. Интеллектуалы подпитывали своим авторитетом разрушительные программы Нового курса. Глорификация образа Рузвельта — во многом результат альянса Большого государства и интеллектуалов. Главный урок для современности, который можно извлечь из этого опыта, состоит в том, что попытки «делать, как Рузвельт» могут привести лишь к отрицательным последствиям для развития экономики.

Ключевые слова: Новый курс, Великая депрессия, экономические кризисы, экономическая история США.

JEL: N12, N42.

1. Наследие Рузвельта

Образ Франклина Делано Рузвельта имеет огромное значение для экономической истории США, в том числе значение символическое. Период с 1929 по 1941 годы, включающий Великую депрессию и Новый курс, — несомненно, один из важнейших в американской истории. Для экономистов, историков и политологов важно не столько то, что конкретно сделал Рузвельт, сколько то, что его Новый курс рассматривается в большинстве случаев как *ultimate argument* в пользу государственного регулирования экономики [Reed, 2008. P. 1]. Современные экономисты и историки ссылаются на Великую депрессию как на хрестоматийный пример того, к чему приводит политика *laissez faire* [Сломан, 2005. С. 478]. Напротив, Новый курс принято рассматривать как пример успешного регулирования экономики [Хейвуд, 2005. С. 232].

Однако такая оценка не является единственно возможной. Начиная с работы Джона Флинна «Рузвельтовский миф» [Flynn, 1948] образ Рузвельта подвергается ревизии. Накоплено достаточно фактического материала, чтобы опрокинуть образ Рузвельта как «спасителя Америки».

В этой работе Великая депрессия рассматривается как следствие деятельности государства, а Новый курс Рузвельта — как политика, продлившая Великую депрессию.

2. Who Is Mr. Roosevelt?

Тридцать второй президент США занимает особую роль в истории страны. Единственный президент, избранный на четыре срока подряд; президент, чьи рейтинги доходили до 98% среди выборщиков (523 в коллегии выборщиков «за» и 8 «против» в 1936 году) [Фолсом, 2012. С. 23]; президент, пребывавший в Белом доме 4422 дня (ближайший конкурент — 2922 дня); президент, продвигавший «третий путь» для Америки как путь между социализмом и либерализмом; президент, после которого США уже так и не вернутся к принципам индивидуализма, которые были основой благоденствия страны в XIX веке.

Большинство историков относят Ф. Рузвельта к «великим президентам», некоторые считают его «величайшим президентом» США. Их образ Рузвельта таков: до прихода к власти демократа Рузвельта страной правили олигархи и республиканцы, потворствовавшие безответственности бизнеса. 1920-е были периодом неограниченной экономической свободы и ничем не ограниченной власти спекулянтов и монополий. Именно капитализм оказался причиной биржевого краха 1929 года и последующего экономического спада.

Великая депрессия была кризисом перепроизводства, а республиканская администрация Гувера, воспитанная на идеях *laissez faire*, бездействовала. Народ выбрал Новый курс Рузвельта, подразумевающий активную роль государства в экономике, что позволило Америке выйти из кризиса и стать самой крупной экономикой мира [Гэлбрейт, 2009; Стедмен-Джоунз, 2017]. Следует отметить, что такой образ создал сам Рузвельт: влияние рузвельтовского курса и его сторонников на исторические исследования, относящиеся к Великой депрессии, — доказанный факт [Знаменский, 2015. С. 20; Фолсом, 2012. С. 19–27; Robinson, 1955. P. 413; Westbrook, 2015. P. 1–13]. Этот образ активно эксплуатируется и сегодня как в США, так и в других странах. Например, президент Барак Обама не раз рассматривал свою экономическую программу как «Новый Новый курс» (см.: [Мальков, 2009. С. 50]). В России президент Владимир Путин считает политику Рузвельта образцовой, жалея лишь о том, что не он ее проводил.

Вот что говорил В. Путин в обращении Федеральному собранию 10 мая 2006 года:

Хорошие слова, жаль только, что не я их придумал — Франклин Делано Рузвельт, президент Соединенных Штатов Америки в 1934 году: «Работая над великой общенациональной программой, которая призвана дать первостепенные блага широким массам, мы действительно наступим кое-кому на “больные мозоли” и будем наступать на них впредь. Но это “мозоли” тех, кто старается достичь высокого положения или богатства, а может быть, того и другого вместе, коротким путем — за счет общего блага» [Путин, 2015. С. 497].

А в прямой линии 18 октября 2007 года, отвечая на критику своей системы, В. Путин заявил:

Ведь там (во время Великой депрессии. — П. У.) многое делалось в ручном режиме. И там тоже Рузвельт изложил целый план развития страны на среднесрочную перспективу. И там тоже некоторые элиты были несогласные со всем, что тогда предлагалось президентом. Но в конечном итоге оказалось, что реализация этого плана пошла на пользу всем гражданам страны... Поэтому мы здесь чего-то уникального не делаем [Путин, 2015. С. 498].

Если люди в современной России что-то знают о Рузвельте, то только положительное.

Иной образ создавали марксистские историки. Они полностью соглашались с тем, что Великая депрессия была вызвана неограниченной властью капитала (здесь Маркс и Кейнс протягивают друг другу руки). Однако Новый курс при этом оценивается негативно, как попытка симитировать социализм, как попытка примирить капитал и труд, которые всегда находятся в антагонизме. Рузвельт расценивается этими авторами как демагог, который лишь обещает пролетариату рост благосостояния, а на самом деле служит интересам крупного бизнеса. Рузвельта рассматривают как коррумпированного политика, который не хотел признать необходимость отказа

от капитализма. Тем не менее марксисты считают Рузвельта и его сторонников попутчиками, которые также расшатывают основы капиталистического способа производства. Такой образ относительно мало популярен в США, его отстаивают американские социалисты и прогрессисты (см., например: [Beard, 1948]), зато он был крайне популярен в СССР, во многом благодаря Сталину, который симпатизировал Новому курсу Рузвельта¹. В известном отношении этот образ сохраняется в современной России, так как американисты в России продолжают традицию, заложенную в советский период [Баталов, 2014; Согрин, 2015], хотя они всё больше склоняются к версии «великого президента». В своей книге о Рузвельте Сергей Далин в 1936 году приводит множество фактов, говорящих о провале Нового курса, но марксистская идеология заставляет его оценивать Новый курс как прогрессивное движение [Далин, 1936].

Наконец, наименее известный, но набирающий популярность в последние годы образ Рузвельта сформирован историками-либертарианцами, часто относящими себя к ревизионистам [Голдберг, 2012; Джонсон, 1995; Знаменский, 2015. С. 19; Ротбард, 2012; Фолсом, 2012; Хиггс, 2010; Reed, 2008; Skousen, 1994]. Эти историки рассматривают Великую депрессию не как результат политики *laissez faire*, а как следствие ее противоположности — этатизма, проводившегося в 1920-е годы. Так, за этот период денежная масса благодаря Федеральной резервной системе (ФРС) была увеличена на 62%, что породило ошибочные инвестиции и, в частности, сформировало пузырь на фондовом рынке. Об этой опасности говорил Фридрих Август Хайек еще в 1927 году. Он предложил не ждать наступления большого кризиса, а поднять процент уже тогда. Это не было сделано. Как следствие, пузырь надувался еще два года и лопнул, принеся гораздо большие потери. Если бы не политика регулирования цен и заработной платы, проводившаяся Гувером, то восстановление началось бы очень быстро. Однако регулирование экономики лишь усиливалось. Особенно активно мешал восстановлению структуры капитала Новый курс Рузвельта, продливший Великую депрессию до Второй мировой войны. Безработица в 1938 году достигла 18%, что было больше, чем в 1929-м, и больше, чем в среднем в мире в том же году. Однако и Вторая мировая война не стала причиной выхода из депрессии. Статистика во время войны неверно отражает богатство, так как цены подвергаются регулированию. Кроме того, рост занятости, который был вызван войной, не есть источник роста экономики, так как безработные, как и призванные на военную службу не создают предметы потребления и капитальные блага, а их уничтожают. Действительный рост начался после смерти Рузвельта в 1945 году

¹ Муссолини также считал, что Рузвельт — «это наш человек».

в результате последовавшей за этим отмены его программ, а также снижения налогов и дерегулирования экономики.

Этот образ Рузвельта на данный момент наименее известен, однако критическое отношение к «распорядителям чужого» [Романчук, 2013] во всем мире неизбежно будет усиливать интерес к критике Нового курса Рузвельта и к ревизии его результатов².

Следует отметить, что среди защитников Нового курса встречаются и те, кто признает ошибки Рузвельта и «перегибы на местах», считая, что любая альтернатива была бы в тех условиях лишь хуже. Ведь мир в 1933 году выбирал не между либерализмом и этатизмом, а между различными видами этатизма: советским, немецким, итальянским. Не было партии или движения, которые бы отстаивали принципы индивидуализма и капитализма. Это действительно так. Но из этого не следует, что, скажем, NRA благоприятно повлияла на американскую экономику или что Новый курс вывел Америку из депрессии. Это лишь означает, что выбор 1933 года был предопределен теми процессами, которые происходили раньше и которые отсекали либерализм как альтернативу. По сути, эти процессы происходили благодаря интеллектуалам конца XIX — начала XX века, убедившим публику, что капитализм себя изжил и выбирать нужно из различных видов этатизма и социализма.

3. Путь к власти

Франклин Делано Рузвельт родился в 1882 году в богатой и знатной американской семье, корни которой уходят к тем, кто прибыл в Америку на легендарном «Мэйфлауэре». С самого детства он проявлял амбиции лидера, выбрав в качестве примера для подражания шестилетнего брата Теодора Рузвельта, карьера которого была во многом повторена Франклином Рузвельтом. Он очень интересовался военно-морским флотом, его манила политика, но он был мало сведущ в экономике, а профессия юриста, которую он получил, вызывала у него отвращение. С детства он привык к тому, что его желания — закон. Мать боготворила его и спустила не одно состояние на причуды сына. Когда в 1920-е годы все занимались бизнесом, Рузвельт также пытался достичь в нем успеха, однако проявил полное отсутствие необходимых для этого качеств. Он инвестировал капитал в строительство дирижаблей, будучи убежденным, что у аэропланов нет будущего; вкладывал деньги в разработку напитка, который был чем-то средним между чаем и кофе. Все его проекты характеризова-

² Характерна реакция на работы ревизионистов школы Коммаджера и сторонников Рузвельта. Ричард Коэн пишет: «Рузвельта больше не считают святым», — и далее с ностальгией восклицает: «В нашем доме Рузвельта считали не просто президентом. Он был для нас богом» (Cohen R. An Indelible Stain on FDR's Legacy // Washington Post. 2013. March 12. P. 15.).

лись импульсивностью, самоуверенностью, расточительностью, подкрепленной убежденностью, что его мать покроет все расходы, что всегда и происходило. Рузвельт жил жизнью плебоя, однако не забывал и о политической карьере. Его женитьба на любимой племяннице Теодора Рузвельта — Элеоноре Рузвельт — была расчетливым ходом политика, она открывала для него новые карьерные возможности. Когда стало известно, что он изменял супруге, он отказался от развода, так как это угрожало его успеху в президентской кампании, кроме того, мать обещала лишить его наследства, если он разведется.

Не меньше чем отношения с супругой, характер Рузвельта передает то, как он участвовал в спортивных соревнованиях. Он не мог позволить себе проиграть. Он пытался бороться с неудачами своеобразными средствами: что-то утаить, что-то преувеличить, а что-то и присочинить. Например, когда в соревновании по бегу среди ста участников Рузвельт показывал слабый результат, то говорил родителям, что пришел четвертым; он знал, что обман не раскроется, так как в школьной газете, которая могла попасться им на глаза, упоминалась только тройка победителей [Фолсом, 2012. С. 32].

Эти мелкие штрихи позволяют разглядеть в молодом Рузвельте те черты, которые сложатся в завершённое целое, когда он станет политиком. Как в учебе и в спортивных соревнованиях, обман был ключевым инструментом Рузвельта и в дальнейшем. 18 августа 1920 года в городке Дир-Лодж, штат Монтана, Рузвельт выступал перед группой фермеров, где заявил следующее: «Факты таковы, что Конституцию Гаити писал лично я, и, как мне кажется, это вполне приличная конституция». «Так как на фермеров в Дир-Лодж речь произвела сильное впечатление, Рузвельт рассказал о своем опыте написания конституций и в следующих выступлениях в Бьютте и Хелене (также в штате Монтана. — П. У.). На самом деле он не имел ни малейшего, даже самого отдаленного отношения к написанию Конституции Гаити и никогда не участвовал в управлении какой-либо республикой» [Фолсом, 2012. С. 44].

Обещания Рузвельта перед выборами 1932 года напоминают его речи, произнесенные до этого. Вот что он провозглашал на выборах:

Демократы — за прекращение неэффективных бюрократических программ, общественных работ и расточительной поддержки сельского хозяйства.

Рузвельт и Гарнер (кандидат в вице-президенты, шедший в паре с Рузвельтом, губернатор Техаса) — за немедленное и значительное снижение государственных расходов за счет ликвидации бесполезных государственных ведомств и вновь созданных контор.

Девиз демократов — не допустить роста государственного долга. Кандидаты демократической партии — за бездефицитный государственный бюджет. Демократы обещают прекратить абсурдную политику заимствований федеральным правительством.

Мы со всей определенностью обещаем не допустить выхода страны из золотого стандарта [Сапов, Кизилов, 2006. С. 113–114].

Стоит ли упоминать о том, что ни одно из этих обещаний не было выполнено. Фактически политика Рузвельта преследовала одну цель — сохранение собственной власти. Если на выборах 1932 года Рузвельт вел себя как популист, то уже на промежуточных выборах 1934-го он использовал имеющуюся власть для подавления конкурентов и для обеспечения «правильных результатов голосования». Именно эти выборы изображены в фильме 1996 года «Канзас-Сити», где показано, как работала американская «карусель» при голосовании.

4. Гувер и Рузвельт

Принято считать, что президент Герберт Гувер (находился у власти с 1929 по 1933 годы) был сторонником невмешательства государства в экономику и проводил соответствующую политику. Факты говорят об обратном.

На самом деле Гувер рассматривал экономику как огромную машину, которой можно и нужно руководить из центра. Несомненно, на его политико-экономические взгляды повлиял опыт работы инженером и администратором, и он смотрел на экономику как инженер, готовый активно вмешиваться в ее деятельность.

Еще в 1921 году Гувер занимал пост министра торговли и организовывал трехсторонние переговоры между профсоюзами, правительством и бизнесом, на которых обсуждались рекомендации по выходу из кризиса: общественные работы, масштабные программы поддержки сельского хозяйства, создание государственных агентств, наделенных значительными полномочиями. Обсуждалось создание федеральной корпорации занятости, которая должна была перебрасывать излишки рабочей силы из одного штата в другой.

Общественные работы были тогда крайне популярным средством, их активно продвигали известные английские социалисты Сидней и Беатриса Вебб. Чтобы просветить американскую публику по поводу прогрессивных мер, супруги создали в Нью-Йорке в 1919 году Новую школу социальных наук. Среди преподавателей был будущий советник Гувера Уэсли Митчелл, который, как и будущий президент, полагал, что пришло время для активных действий по реформированию капитализма.

Но в 1922 году начался оживленный экономический рост, и все эти программы были положены под сукно. В 1929 году, когда Гувер стал президентом, а в стране начался кризис, он решил наконец опробовать их на практике.

Гувер не скрывал свою позицию социального инженера. Вот его высказывания, относящиеся к разным периодам деятельности:

Битва за то, чтобы привести в движение машину экономики, требует новых форм и заставляет время от времени применять новую тактику. Мы использовали чрезвычайные методы для того, чтобы выиграть войну, — мы используем их вновь, чтобы победить депрессию (май 1932).

Если не будет отступления, если продолжится та атака, которую мы подготовили и проводим, то битва будет выиграна (август 1932).

Мы могли бы ничего не делать. Это было бы совершенной катастрофой. Вместо этого мы, действуя в соответствии с ситуацией, обращаемся к частному бизнесу и конгрессу США с предложением самой гигантской программы экономической обороны и контратаки, когда-либо осуществлявшейся в истории нашей страны... Впервые за эту депрессию мы сократили дивиденды, прибыли и снизили стоимость жизни, чтобы сохранить зарплаты. Наша реальная зарплата сегодня является самой большой в мире. Некоторые экономисты-реакционеры призывают нас допустить ликвидацию предприятий и банков с тем, чтобы экономика могла достичь дна. Мы клянемся в том, что не последуем этому совету и не допустим, чтобы все, у кого имеется задолженность, разорились (октябрь 1932) [Сапов, Кизилов, 2006. С. 117–118].

Речь Гувера, произнесенная 23 ноября 1929 года, называлась «Направить мощь государства на спасение экономики». Гувер честно признавал, что до него политики придерживались идеи невмешательства, он же активно вмешивался в дела экономики, «так что мы были пионерами, вступившими на неизведанную землю» [Ротбард, 2012. С. 309]. По сути, то, что сделал Гувер, следует называть Новым курсом-1, а действия Рузвельта — Новым курсом-2.

Гувер активно боролся с банкротствами банков, вливая огромные деньги из федерального бюджета, что, правда, не помогло — банкротства продолжались. Он поднял предельную ставку подоходного налога с 25 до 63%. В 1930 году он собрал совещание (подобное тому, которое действовало в 1921 году) с целью зафиксировать цены и объемы производства на докризисном уровне. В качестве инструментов использовались пропаганда и запугивание большого бизнеса. Были повышены пошлины на импортные товары «для защиты собственного производителя». На строительство новых административных зданий было выделено 175 млн долл., 48 губернаторов получили жесткое предписание о необходимости начать общественные работы. Доля государственных расходов в ВВП увеличилась с 16,4% в 1930 году до почти 22% в 1931-м. Непосредственным конечным получателям: местным органам власти, энергетическим компаниям и школьным округам — был роздан 1 млрд долл. что грубо нарушало существовавший в то время порядок финансирования государственных расходов. В 1929 году Сельскохозяйственная закупочная ассоциация получила 500 млн долл. на поддержку цен, в 1930 году — еще 100 млн долл. Летом 1930 года Гувер подписал закон о так называемом тарифе Смута — Хоули — значительном повышении импортных пошлин. Это обрушило внешнеторговый оборот: импорт сократился с 4,4 млрд долл. в 1929 году до 2 млрд долл. в 1931-м; это вызвало

ответные меры со стороны других стран, резко уменьшивших экспорт США — с 5,3 млрд долл. в 1929 году до 2,3 млрд долл. в 1931-м. По этому закону были повышены пошлины на целый ряд товаров: например, пошлины на сельскохозяйственную продукцию были повышены в среднем с 20 до 34%, на алкогольную продукцию — с 36 до 47%, на шерсть и изделия из нее — с 50 до 60%. В общей сложности были повышены пошлины на 887 товаров, а список товаров, подлежащих обложению, был расширен до 3218 пунктов. Важнейшей особенностью тарифа Смута — Хоули было то, что пошлины рассчитывались в конкретной денежной сумме, а не в проценте от цены. Когда в ходе Великой депрессии цены упали вдвое, фактическая ставка удвоилась, тем самым усилив протекционистский характер закона [Poulson, 1981. P. 508].

Фондовый рынок, в значительной мере восстановивший позиции, потерянные после «черного четверга» (24 октября 1928 года), упал на 20 пунктов в тот день, когда Гувер подписал закон о тарифе Смута — Хоули, и падал почти безостановочно следующие два года.

Повышение пошлин вызвало серьезные проблемы в финансовой сфере — новую волну банкротств банков. Так, в 1930 году разорились 1345 банков, а в 1931-м — уже 2298 [Далин, 1936. С. 21]. Дело в том, что американские банки активно кредитовали европейских производителей, которые продавали свой товар на американском рынке. Закрывание американского рынка означало банкротство европейских компаний и, как следствие, кредитовавших их американских банков.

В 1932 году Гувер создал Корпорацию финансирования восстановления (Reconstruction Finance Corporation, RFC) — по сути, параллельный центральный банк, наделенный правом по распоряжению Гувера выделять кредиты нужным компаниям, не отчитываясь перед конгрессом о предоставленных ссудах. Только за первый год RFC выдала 2,3 млрд долл., из них в порядке безвозвратного финансирования — 1,6 млрд долл.

Политика Гувера была последовательной политикой социального инженера, использовавшего свою власть для того, чтобы финансировать деятельность одних граждан за счет других. Пришедший после него Рузвельт не придумал ничего нового. Рексфорд Гай Тагвелл, один из архитекторов политики Рузвельта в 1930-е годы, объяснял несколько десятилетий спустя: «Тогда мы в этом не признавались, но практически весь Новый курс был экстраполяцией программ, начатых Гувером» [Johnson, 1997. P. 741].

5. Великая депрессия

24 октября 1929 года в «черный четверг» индекс Доу — Джонса сократился на 9%, в «черный вторник» 29 октября падение соста-

вило 17,3%, снизив суммарную стоимость компаний на 14 млрд долл. Всего за четыре года рыночная капитализация упала в десять раз, и фондовый рынок смог вернуться на докризисный уровень только в 1951 году. Объем промышленного производства снизился в два раза. ВВП сократился со 103 до 56 млрд долл. Безработица выросла до 25%, располагаемые доходы населения упали на 45,16%. Только в 1930 году обанкротились 744 банка, а к 1932 году — более 5000 из 25 000 банков [Аникин, 2002; Шевляков, 2016. С. 34]. В 1929–1932 годах обанкротились 115 000 компаний. Уильям Дюран, основатель *General Motors*, потерял на фондовом рынке 40 млн долл. и оказался фактически нищим. И таких случаев было множество.

Восстановление экономики, которое раньше происходило через несколько месяцев или пару лет после начала кризиса, так и не началось в сопоставимые сроки, хотя признаки восстановления были в середине 1933 года и во второй половине 1935-го [Anderson, 1949; Badger, 1989].

Этот кризис не смогли предсказать ведущие экономисты той эпохи: глава Национального бюро экономических исследований (National Bureau of Economic Research, NBER) Уэсли Митчелл, Ирвинг Фишер, Джон Мейнард Кейнс. Например, Кейнс заявил в 1926 году, что «в наше время крахов больше не будет», а в 1928-м — что «ФРС сделает всё, чтобы избежать деловой депрессии» [Скоузен, 2012. С. 349]. Марк Скоузен в своем исследовании «Кто предсказал Великую депрессию?» доказывает, что, кроме представителей австрийской экономической школы и еще нескольких человек³, мало кто понимал, что происходило тогда в американской экономике.

В 1924 году Людвиг фон Мизес сообщил Фрицу Махлупу о том, что «это будет большой крах». Когда в 1929 году ему предложили пост президента *Creditanstalt*, он отказался, удивив свою жену Маргит. Мизес тогда объяснил: «Скоро произойдет великий крах, и я не хочу, чтобы мое имя хоть как-то было с ним связано» [Скоузен, 2012. С. 358; Хюльсманн, 2013].

В 1929 году Фридрих Хайек опубликовал на немецком статью, где предсказывал крах. Позже он вспоминал об этом:

Разумеется, ожидать этого меня заставило мое теоретическое убеждение, что невозможно бесконечно поддерживать инфляционный бум... Кроме того, когда в 1927 году Федеральный резерв сделал попытку отсрочить крах с помощью кредитной экспансии, я убедился, что бум стал типично инфляционным. Поэтому в начале 1929 года налицо были все признаки того, что бум должен захлебнуться [Скоузен, 2012. С. 360].

³ В их числе были Бенджамин Андерсон из *Chase Manhattan Bank*, Феликс Зомари — швейцарский банкир, Роджер Бэбсон — инвестиционный консультант на Уолл-Стрит [Скоузен, 2012].

6. Что сделал Рузвельт?

Деятельность является результатом определенного замысла [Мизес, 2012b. С. 14–32; Усанов, 2014b. С. 16–41], поэтому важно понять, какие экономические взгляды были у Рузвельта. Они оказывались во многом схожими со взглядами Дж. М. Кейнса⁴ [Кейнс, 2007]. Рузвельт считал, что Великая депрессия была кризисом перепроизводства, что дефляция — источник всех бед и с ней нужно бороться, что финансисты породили кризис. Он видел причину низкой заработной платы рабочих в том, что 10% предпринимателей платят слишком мало и остальные вынуждены платить так же мало⁵. Такую теорию нельзя оценить иначе, как эксцентрическую, и похоже, она была выдумана на ходу, чтобы обосновать агрессивную позицию по отношению к бизнесу [Рузвельт, 2012. С. 16–21].

Интересна аргументация, которую приводил Рузвельт в обоснование решения о полном прекращении обмена долларов на золото. Золота было на 3–4 млрд долл., а требований — на 25 млрд долл. «Во имя общего блага мы решили не давать права никому!» [Рузвельт, 2012. С. 16–21]. Он и будущий министр финансов в его правительстве Генри Моргентау устанавливали цену на золото каждое утро, когда Рузвельт завтракал в постели [Leuchtenburg, 1963. P. 79–81]. Когда однажды Моргентау предложил президенту поднять цену на 19–22%, тот выбрал 21% и, смеясь, объяснил: «Это “счастливое” число, потому что это три, помноженное на семь». Позднее Моргентау записал в дневнике: «Если бы кто-нибудь узнал, что мы устанавливали цены на золото с помощью комбинаций “счастливых” чисел, он пришел бы в ужас» [Фолсом, 2012. С. 133].

Как только Рузвельт вступил в должность президента США, он получил чрезвычайные полномочия для преодоления кризиса. Одним из его первых действий в рамках «100 дней» было объявление так называемых банковских каникул. 5 марта 1933 года банки были закрыты на четыре дня, и за это время были напечатаны 2 млрд долл. [Рузвельт, 2012. С. 8].

Существовали опасения, что люди побегут обменивать доллары на золото. Опасения не оправдались — паники и ажиотажа не наблюда-

⁴ Кейнс в целом одобрял политику Рузвельта: «Если правительство увеличит федеральные расходы на стимулирование с 300 до 400 миллионов долларов в месяц, восстановление экономики США пойдет удовлетворительно». Он призывал нарастить дефицит бюджета до 8% ВВП и всячески хвалил Новый курс в статье 29 мая 1934 года в «Нью-Йорк Таймс». Кейнс одобрил проведенное ФРС снижение процентных ставок до рекордно низкого уровня с целью предотвращения дефляции: «С депрессией нужно бороться, поднимая цены, а не снижая их» [Назар, 2013. С. 421, 436].

⁵ Рузвельт, видимо, не замечал неувязки в своей логике. Если 90% предпринимателей платят более высокую зарплату, то рабочие, занятые у остальных 10%, перейдут туда, где платят больше.

лось [Рузвельт, 2012. С. 9]. В процессе проверки были закрыты банки, не соответствующие требованиям властей. Особенно пострадали мелкие и средние банки, не имевшие необходимого лоббистского потенциала. Оставшиеся получили ликвидность за счет ФРС и были вскоре открыты. Несомненно, открытие банков способствовало оживлению экономики в марте — июне 1933 года. Однако сама реформа означала значительные перемены в устройстве банковской системы: завершился долгий процесс, связывающий банковскую систему в единый картель с государством. Кто является банком, а кто не является, стал решать не рынок, а политики. Банковская система с тех пор — это «социализм в отдельно взятой отрасли» [Ротбард, 2009; Уэрта де Сото, 2008. С. 491–514].

Несмотря на то что Новый курс Рузвельта продлил Великую депрессию, принимались и меры, которые благотворно повлияли на экономику США. В частности, это отмена сухого закона 22 марта 1933 года, неэффективность которого была очевидна для всех. Вместо оздоровления нации сухой закон породил преступность, коррупцию, черный рынок, переключил американцев на потребление более крепких напитков (переход с пива на самогон — так называемый эффект Алчиана — Аллена). Кроме того, Рузвельт сократил тариф Смута — Хоули в 1934 году, что также способствовало оживлению 1935 года. Не обошлось и без курьезов: непреднамеренным последствием государственного вмешательства стало массовое распространение раздельных женских купальников. Дело в том, что Управление по военному производству запретило изготовление сплошных купальников в целях экономии материала [Henderson, 2010. P. 8].

Рузвельт создал множество «алфавитных агентств», именуемых так по причине схожести их аббревиатур: FWA, AAA, CCC (было два агентства с таким названием, что вызывало путаницу), FSA, FCC, AOA, ODT и почти сотню подобных. Самые известные из них — это, несомненно, NRA (National Recovery Administration), WPA (Works Progress Administration) и AAA (Agricultural Adjustment Administration). Регулятивный зуд Рузвельта и его команды не знал предела, агентств было так много, что глава комитета конгресса по контролю за правительственными расходами не слышал даже названий некоторых [Шевляков, 2016. С. 60]. Джон Флинн в своей книге приводит впечатляющий трехстраничный список из 101 такого агентства [Flynn, 1948. P. 290–292].

Во время Первой мировой войны в США была опробована питтсбургская система ценообразования — система «базисных пунктов». Она была отменена в 1924 году на основании антитрестовских законов, но ее возродил генерал Хью Джонсон в 1933 году в виде NRA. По этой системе разрешалось устанавливать цены, равные ценам

в Питтсбурге, плюс расходы на транспортировку. Например, производитель стали в Чикаго должен был ставить цену на сталь как в Питтсбурге, прибавляя к этому расходы на транспортировку стали из Питтсбурга. Естественно, это увеличивало заказы на продукцию производителей в «базисных пунктах» и ставило в неконкурентное положение иных производителей. Кроме того, такой подход давал возможность корпорации *American Steel* получать огромные прибыли в тех регионах, где она имела заводы. Всё это позволило питтсбургским заводам монополизировать рынок и повысить цены на свою продукцию на 60–400% [Далин, 1936. С. 84, 95–96].

В июне 1933 года Рузвельт подписал закон о восстановлении национальной промышленности (National Industrial Recovery Administration, NIRA). На эти цели выделялось 3,3 млрд долл. из федерального бюджета. Крупные компании поддержали NIRA, так как это отсекало от рынка малый и средний бизнес. В рамках NIRA были разработаны так называемые кодексы честной конкуренции — всего более 500. В них регулировались такие показатели деятельности, как максимальная продолжительность рабочей недели, максимальная продолжительность рабочего дня, минимальная ставка заработной платы, кодексы объемы производства, цены и заработная плата [Чернявский, 2012. С. 240–241]. В кодексе нефтяной промышленности было написано, что цены на нефть устанавливает лично президент США.

Для проведения в жизнь закона была создана National Recovery Administration (NRA), соединяющая в себе исполнительную, законодательную и судебную власть, что позволяло ей блокировать банковские счета и осуществлять принудительную внесудебную ликвидацию компаний.

Вся экономика разделялась на 17 отраслей, в первые годы было написано 453 кодекса честной конкуренции (через год их было уже 750), под деятельность NRA попадали 2,5 млн фирм и 22 млн рабочих, 91% промышленности находилось под юрисдикцией NRA. Кодексы регулировали производство кормов для собак, мягких подплечников для пиджаков, деятельность собственников театральных бурлесков — регулировалось даже количество девушек, которые могли выступать полуобнаженными [Чернявский, 2012. С. 242].

Существовало 60 кодексов, регулирующих текстильную отрасль, 29 — бумажную отрасль, 56 — производство чугуна и стали, 6 отдельно регулировали полиграфические услуги. Никто не мог разобраться во всех этих кодексах, что породило хаос и неразбериху. Увеличение издержек на ведение бизнеса составило 40% [Далин, 1936. С. 83].

Не все были согласны с такими полномочиями государства, на что глава NRA генерал Джонсон говорил, что противникам нового кодекса «заткнут рот» [Фолсом, 2012. С. 71].

Для реализации кодексов NRA завела себе собственную военизированную службу. Малый и средний бизнес подвергся настоящему террору. Аппарат NRA увеличивался на 100 человек в день. Зарплаты его сотрудников также быстро росли: выпускник университета получал 125 долл., а уже через полгода — 375 долл. (средняя зарплата в США составляла 117 долл.).

Наметившееся в первой половине 1933 года оживление было прервано. В первом полугодии 1933 года промышленное производство выросло на 69%, во втором оно сократилось на 25% [Шевляков, 2016. С. 90], и это сокращение произошло после создания NRA. Для выявления нарушений NRA устраивала облавы, арестовывала бухгалтерские книги путем внезапных налетов и вышибания дверей, проверяя, не сидит ли кто-то за швейной машинкой в запретное ночное время.

В 1938 году в конфиденциальной беседе Рузвельт признавался, что главной проблемой для него является необходимость придумать достаточное количество проектов, на выполнение которых можно было бы списать выделяемые деньги [Сапов, Кизилов, 2006. С. 141–142].

Флинн описывает, как сторонники NRA вели свои дела:

NRA обнаружила, что не может провести в жизнь свои правила. Укреплялся черный рынок. Добиться выполнения норм можно было только самыми жесткими полицейскими методами. В швейной промышленности — вотчине Сидни Хиллмана (видного деятеля американского профсоюзного движения. — *П. У.*) — кодексы внедряли при помощи спецподразделений. Они рыскали по швейному району, как штурмовики. Они могли ворваться на фабрику, выгнать хозяина, выстроить сотрудников в шеренгу, быстро их допросить и забрать бухгалтерские книги. Ночная работа была запрещена. Летучие отряды этих «швейных полицейских» проходили по району ночью, стучали в двери топорами, ища тех, кто осмелился сшить пару брюк в ночной час. Но чиновники, ответственные за проведение кодексов в жизнь, говорили, что без этих жестких методов не удалось бы добиться их соблюдения, потому что общественность их не поддерживала [Flynn, 1948. P. 45].

Бертон Фолсом в своей книге приводит многочисленные примеры того, как действовал аппарат NRA. Например, обычный портной Якоб Магид угодил за решетку за то, что нарушал один из кодексов NRA — Магид брал 35 центов вместо 40 за свою услугу. Сэм и Роза Марковиц из Кливленда, владельцы химчистки, делали скидку клиентам на 5 центов, за что были оштрафованы на 15 долларов, а потом отправлены в тюрьму [Фолсом, 2012. С. 72].

Все эти случаи вызвали волну обращений предпринимателей в суды, которые принимали оправдательные решения. Пресса также сделала свое дело: общественность воспринимала NRA как структуру, попирающую конституцию США.

В 1935 году Верховный суд единогласно признал NRA неконституционной. На заседании рассматривались настолько странные и комичные примеры, что зал с трудом сдерживал смех. Так, в соот-

ветствии с кодексом, действующим в рамках NRA, «покупатель не может выбирать цыплят, которых он хочет купить. Он должен просунуть руку в клетку и взять первого цыпленка, который попадется. Он обязан взять эту птицу». Как явствует из распечатанного текста разбирательства, объяснение адвоката вызвало редкую для этого учреждения реакцию — хохот в зале Верховного суда. Обсуждение продолжилось, однако вскоре вопрос судьи Джорджа Сазерленда: «А если предположить, что все цыплята оказались в одном углу клетки?» — был встречен новым взрывом хохота. Когда смех утих, все девять судей единогласно проголосовали в пользу признания NRA неконституционной [Фолсом, 2012. С. 76]. Член Верховного суда Луис Брэндейс прочел эпитафию Новому курсу: «Это конец политики централизации, отправляйтесь к президенту и скажите ему, что мы не собираемся позволить этому правительству централизовать всё» [Шевляков, 2016. С. 88].

Однако Рузвельт на этом не остановился. Он стал проталкивать так называемый закон Гаффи — Снайдера. Обращаясь к комиссии, оценивающей конституционность данного закона, Рузвельт заявил: «Надеюсь, ваша комиссия не допустит, чтобы сомнения в конституционности, сколь резонными они ни были, помешали принятию предлагаемого закона» [Фолсом, 2012. С. 77]. Кстати, этот закон подразумевал законодательное установление 350 000 цен.

В 1933 году было создано еще одно крайне влиятельное «алфавитное агентство» — Agricultural Adjustment Administration (AAA). 12 мая конгресс одобрил его создание. Дело в том, что 13 мая планировалась общенациональная фермерская забастовка, и Рузвельт признался, что «усилиями правительства она была сорвана» [Мальков, 1973. С. 265]. Для поддержания цен на сельскохозяйственную продукцию только в 1934 году было уничтожено 23 млн голов рогатого скота [Далин, 1936. С. 139]. Фермерам платили миллионы долларов, чтобы они ничего не выращивали, в то время как президент говорил о том, что треть американцев недоедает [Фолсом, 2012. С. 86].

Предельная ставка подоходного налога была увеличена Рузвельтом с 63 до 77%, при этом доллар был девальвирован на 41%, что позволило перераспределить 2,8 млрд долл. от общества к государству. Госдолг вырос с 20 млрд долл. в 1933 году до 43 млрд долл. в 1940-м.

Глава Works Progress Administration (WPA) Гарри Гопкинс [Шервуд, 1958] говорил, когда его спрашивали о деятельности этого агентства: «У меня занято четыре миллиона человек, но, ради Бога, не спрашивайте меня, чем они занимаются» [Шевляков, 2016. С. 76]. WPA предоставляла обществу следующие услуги: отпугивание воздушными шарами птиц от общественных зданий, каталогизация рецептов приготовления шпината, ловля перекасти-поля, написание истории

английской булавки⁶. 41% расходов WPA уходил на содержание бюрократического аппарата. Сами работники получали 30 долл. в месяц.

Еще одна история времен Нового курса, о которой стоит упомянуть, связана с запретом выращивания конопли. Конопля в 1920–1930-е годы использовалась как сырье для изготовления тканей, канатов и бумаги. Конгресс в 1937 году законодательно запретил выращивание конопли, приравняв к тягчайшим преступлениям ранее прибыльное производство сырья для технических отраслей промышленности. Дюпоны лоббировали этот закон, так как он отсекал конкурента в виде более дешевого сырья. Пострадали же от этого фермеры Среднего Запада, лишившиеся заработка и бизнеса [Шевляков, 2016. С. 171].

Еще в 1932 году в период предвыборной борьбы с Эндрю Мэллоном, которого люто ненавидел Рузвельт, президент опробовал инструмент натравливания налоговой полиции на бизнес для решения личных политических задач. То же самое он проделывал перед выборами 1936 года. Видимо, он одним из первых стал активно использовать распределение федеральных субсидий штатам в качестве инструмента подавления оппозиции. Хотя это делали и до него, но масштаб деятельности государства был явно недостаточным для широкого применения подобной практики. Теперь же огромные финансовые ресурсы позволяли Рузвельту давать деньги тем штатам, где местные элиты поддерживали демократов, и не давать тем, которые были за республиканцев. Быть против президента означало остаться без денег.

Такая политика оказалась весьма эффективной и была вновь задействована на выборах в 1940 году.

7. Конфликт с Верховным судом

После того как Верховный суд признал NRA неконституционной, Рузвельт задумался о реформе Верховного суда. По сути, он стремился подчинить судебную власть себе. СМИ это называли «утрамбовыванием» (packing) Верховного суда. Так как судьи были довольно пожилыми людьми (и именно они являлись противниками новаций Рузвельта), то он начал оказывать давление на Верховный суд, объявив о его реформе, которая должна была привести к потере судьями их полномочий; он хотел к старым судьям добавить новых, прогрессивных, которые поддержали бы его программы⁷. Ему это было действительно очень нужно, так как одиннадцать из его законов аннулировал именно Верховный суд. В итоге в 1937–1938 годах после

⁶ В WPA была популярна песенка: «Поспи на работе, / Живи веселей, / Обопрись на лопату / И время убей» [Coode, 1981. P. 276].

⁷ Правда, конгресс эти реформы не поддержал, считая новые полномочия «диктаторскими».

реформы ушли два консерватора, их заменили либералы — сторонники Нового курса [Мальков, 2011. С. 86].

После 1937 года Верховный суд был сломлен: опасаясь потерять работу и деньги, судьи один за другим стали одобрять мероприятия Рузвельта, восстанавливая в новых формах проекты регулирования в духе NRA. Именно тогда в экономике началась «депрессия внутри депрессии» с новым обрушением промышленного производства и скачком безработицы до 19%.

8. Выход из кризиса

9 мая 1939 года Генри Моргентау, министр финансов, один из самых близких друзей и единомышленников Рузвельта, говорил, выступая перед соратниками по партии: «Мы попытались тратить деньги. Мы расходует больше, чем когда-либо, но это не работает. Меня волнует только одно, и если я ошибаюсь... пусть кто-нибудь другой займет мое место. Я хочу, чтобы наша страна процветала. Я хочу, чтобы у людей была работа. Я хочу, чтобы у людей было достаточно еды. Мы так и не выполнили своих обещаний... После восьми лет работы этой администрации я говорю, что в стране сейчас тот же уровень безработицы, с которого мы начинали... И огромный государственный долг в придачу!» [Фолсом, 2012. С. 14].

Таким образом, в 1939 году все показатели состояния экономики были хуже, чем в 1929-м, что означало полный провал интервенционистских программ Нового курса Рузвельта. Он продлил Великую депрессию, а не вывел Америку из нее.

Многие сторонники Рузвельта признают неэффективность его программ, продолжая считать, что программы Нового курса способствовали созданию социальной политики. Если цели этих программ — рост благосостояния бедных и общий рост благосостояния, то Рузвельт также не смог их достичь.

Кейнсианец Пол Кругман считает, что Вторая мировая война стала благом для экономики: «Великая депрессия в США прекратилась в результате массовой “программы” общественных работ, профинансированной государством, и имя этой “программы” — Вторая мировая война» [Krugman, 2009. P. 74]. Дмитрий Травин и Отар Маргания в своей книге «Модернизация: от Елизаветы Тюдор до Егора Гайдара», считая политику Рузвельта в 1930-х годах неэффективной, тем не менее пишут: «Именно в 1940-е, а не в 1930-е, под воздействием возросшего спроса на вооружение, обмундирование, продовольствие и медикаменты... экономика США действительно рванула вперед» [Травин, Маргания, 2011. С. 441]. Если историки иногда ставят под вопрос эффективность Нового курса, то практически никто не со-

мневается в том, что Вторая мировая война вывела экономику из Великой депрессии.

Однако это не так. Например, безработица за это время хоть и сократилась за счет роста числа военнослужащих, тем не менее суммарное количество безработных и военнослужащих оставалось на том же уровне [Хиггс, 2010. С. 398]. Одновременно было введено распределение по талонам бензина, шин, кофе, молока, сыра, консервов, обуви, мяса, сахара, пишущих машинок. Такую ситуацию вряд ли можно назвать ростом благосостояния⁸.

Не следует забывать, что цены в условиях войны не являются рыночными, их устанавливает государство, так что и показатель ВВП в условиях войны ни о чем не говорит. Роберт Хиггс пересчитал ВВП на основе рыночных цен и получил его снижение с 1941 по 1943 годы на 14% [Хиггс, 2010].

Послевоенный рост был вызван отменой программ Нового курса, существенным понижением налоговой нагрузки, восстановлением международной торговли и стабилизацией денежного обращения. Значительные перемены начались и в идеологической сфере [Бёргин, 2017].

Так, конгресс резко сократил государственные расходы: с 44% ВВП в 1944 году до 8,9% в 1947-м, что стало источником роста инвестиций, потребления и предпринимательской активности. Не оправдались кейнсианские страхи, что американская экономика в мирное время столкнется с массовой безработицей и эпидемией насилия, как полагал, например, Гуннар Мюрдаль⁹.

9. Уроки для современности

Какие выводы можно сделать из истории Великой депрессии и Нового курса и какие уроки извлечь?

1. Великая депрессия началась как обычная фаза экономического цикла, вызванная кредитной экспансией ФРС, увеличившей денежную массу с 1921 по 1929 годы на 62% (см.: [Ротбард, 2012. С. 162]). Она закончилась бы, как и кризис 1921-го, в течение года, если бы не интервенционистская политика Гувера и Рузвельта.

2. Политика Гувера — Рузвельта не вывела экономику из кризиса, а продлила его. В 1939 году все показатели состояния экономики были

⁸ Саймон Кузнец, разработчик методики подсчета ВВП, писал: «По большому счету бессмысленно приравнивать защиту жизни от внешних врагов к экономически полезной активности, направленной на удовлетворение потребностей отдельного человека. В лучшем случае военные затраты можно считать вынужденным условием для полезной активности, но ни в коем случае не самой полезной активностью» [Kuznets, 1945. P. IX].

⁹ *Myrdal G. Is American Business Deluding Itself? // Atlantic Monthly. 1944. November. P. 51.*

хуже, чем в 1929 году (безработица, промышленное производство, государственный долг). ВВП, по самым оптимистичным оценкам, вырос на 10% (по пессимистичным — снизился на 3%) [Согрин, 2015. С. 139, 205], в то время как в «ревушие двадцатые» ВВП вырос на 60%. То есть политика *laissez faire* дала как минимум в шесть раз лучший эффект, чем интервенционизм 1930-х. Рузвельт не смог решить проблему безработицы: в 1929 году она составляла 7,8%, а в 1939-м достигла 16,7% [Anderson, 1949. P. 488]. Государственный долг вырос с 17 до 48 млрд долл. Действие программ Рузвельта было крайне разрушительным для экономики, особенно это касается деятельности NRA, WPA и AAA. Выход из кризиса произошел благодаря не Второй мировой войне, а сокращению доли государства в экономике после ее завершения.

3. Общество согласилось на политику централизации в период Великой депрессии, так как общественное мнение было подготовлено к этому интеллектуалами Прогрессивной эры. Они смогли убедить публику в том, что и в США пришла эпоха активной роли государства. Интеллектуалы подпитывали своим авторитетом разрушительные программы Нового курса. Глорификация образа Рузвельта — во многом результат альянса Большого государства и интеллектуалов.

4. Во избежание новой Великой депрессии необходимо не только бороться с политикой этатизма, но и с общественным мнением, поддерживающим эту политику.

Литература

1. *Аникин А. В.* История финансовых потрясений. М.: Олимп-бизнес, 2002.
2. *Арментано Д.* Антитраст против конкуренции. М.: ИРИСЭН, 2011.
3. *Бастиа Ф.* Что видно и чего не видно. Челябинск: Социум, 2006.
4. *Баталов Э. Я.* Американская политическая мысль в XX веке. М.: Прогресс-Традиция, 2014.
5. *Бёргин Э.* Великая революция идей: возрождение свободных рынков после Великой депрессии. М.: Мысль, 2017.
6. *Бьюкенен Дж.* Сочинения. М.: Таурис Альфа, 1997.
7. *Вирт М.* История торговых кризисов в Европе и Америке. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012.
8. *Голдберг Дж.* Либеральный фашизм. М.: Рид Групп, 2012.
9. *Грегори П.* Политическая экономия сталинизма. М.: РОССПЭН, 2006.
10. *Гэлбрейт Дж.* Великий крах 1929 года. Минск: Попурри, 2009.
11. *Далин С.* Экономическая политика Рузвельта. М.: СОЦЭКГИЗ, 1936.
12. *Джонсон П.* Современность: мир с двадцатых по девяностые годы. М.: Анубис, 1995.
13. *Знаменский А.* Политика президента Рузвельта и миф о процветании США во время Второй мировой войны // Клио. 2015. № 6. С. 19–31.
14. *Кейнс Дж.* Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. М.: Эксмо, 2007.
15. *Мальков В. Л.* Великий Рузвельт. «Лис в львиной шкуре». М.: Эксмо, 2011.

16. *Мальков В. Л.* Невыученный урок: Великая депрессия в прошлом и настоящем // Мировой экономический кризис 1920-х — начала 1930-х гг.: история и современность. М.: ИВИ РАН, 2009. С. 50–86.
17. *Мальков В. Л.* «Новый курс» в США: социальные движения и социальная политика. М.: Наука, 1973.
18. *Мизес Л.* Человеческая деятельность. Челябинск: Социум, 2012.
19. *Момот М. В.* Демократия и ее последствия. М.: Территория будущего, 2013.
20. *Назар С.* Путь к великой цели. М.: АСТ, 2013.
21. *Олсон М.* Логика коллективных действий. М.: Фонд экономической инициативы, 1995.
22. *Романчук Я.* Теория и практика провалов государства. Минск, 2013.
23. *Ротбард М.* Великая депрессия в Америке. М.: ИРИСЭН, Мысль, 2012.
24. *Ротбард М.* История денежного обращения и банковского дела в США. Челябинск: Социум, 2009.
25. *Ротунда Р.* Либерализм как слово и символ. М.; Челябинск: Социум, 2016.
26. Рузвельт: pro et contra. Антология. СПб.: РХГА, 2015.
27. *Рузвельт Ф.* Беседы у камина. О кризисе, олигархах и войне. М.: Алгоритм, 2012.
28. *Сапов Г., Кизилов В.* Инфляция и ее последствия. М.: Центр «Панорама», 2006.
29. *Скоузен М.* Кто предсказал Великую депрессию? // Теория экономического цикла. Челябинск: Социум, 2012. С. 349.
30. *Согрин В. В.* США в XX–XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя. М.: Весь мир, 2015.
31. *Стедмен-Джоунз Д.* Рождение неолиберальной политики: от Хайека и Фридмана до Рейгана и Тэтчер. М.: Социум; Мысль, 2017.
32. *Травин Д. Я., Марганя О. Л.* Модернизация: от Елизаветы Тюдор до Егора Гайдара. М.: Аст-Астрель, 2011.
33. *Усанов П. В.* Модернизация после модернизации: либеральные реформы в развитых странах. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2014а.
34. *Усанов П. В.* Что такое праксиология? // Капитализм и свобода. СПб.: Нестор-история, 2014б.
35. *Уэрта де Сото Х.* Деньги, банковский кредит и экономические циклы. Челябинск: Социум, 2008.
36. *Фолсом Б.* Новый курс или кривая дорожка? М.: Мысль, 2012.
37. *Хайек Ф.* Дорога к рабству. М.: Либеральная миссия, 2005.
38. *Хейвуд Э.* Политология. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005.
39. *Хиггс Р.* Кризис и Левиафан. М.: ИРИСЭН, 2010.
40. *Хюльсманн Й. Г.* Последний рыцарь либерализма: жизнь и идеи Людвига фон Мизеса. М.: Социум, 2013.
41. *Чернявский Г. И.* Франклин Рузвельт. М.: Молодая гвардия, 2012.
42. *Шевляков М. В.* Великая депрессия. Закономерность катастрофы, 1929–1942. М.: Пятый Рим, 2016.
43. *Шервуд Р.* Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца: В 2 т. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958.
44. *Anderson B.* Economics and Public Welfare: Fiscal and Economic History of United States, 1914–1946. N. Y.: D. van Nostrand Company, 1949.
45. *Badger A.* The New Deal: The Depression Years, 1933–1940. N. Y.: Hill-Wang, 1989.
46. *Beard C.* President Roosevelt and the Coming of the War 1941. N. Y.: Yale University Press, 1948.
47. *Coode T. H., Bauman J. F.* People, Poverty, and Politics: Pennsylvanians During the Great Depression. East Brunswick, N. J.: Associated University Presses, 1981.
48. *Flynn J.* The Roosevelt Myth. N. Y.: The Devin-Adair Company, 1948.

49. *Henderson D. R.* The US Postwar Miracle. N. Y.: Mercatus Center, 2010.
50. *Johnson P.* A History of the American People. N. Y.: HarperCollins Publishers, 1997.
51. *Krugman P.* The Return of Depression Economics and the Crisis of 2008. N. Y.: Norton, 2009.
52. *Kuznets S.* National Product in Wartime. N. Y.: National Bureau of Economic Research, 1945.
53. *Leuchtenburg W.* Franklin D. Roosevelt and the New Deal, 1932–1940. N. Y.: Harper & Row, 1963.
54. *Poulson B.* Economic History of the United States. N. Y.: Macmillan Publishing Co., Inc., 1981.
55. *Reed L.* Great Myths of the Great Depression. N. Y.: Mackinac Center for Public Policy, 2008.
56. *Robinson E.* The Roosevelt Leadership 1933–1945. N. Y.: J. B. Lippincott Company, 1955.
57. *Westbrook R.* Tragic Deal // Reviews in American History. 2015. Vol. 43. No 1. P. 1–13.

Ekonomicheskaya Politika, 2018, vol. 13, no. 5, pp. 176–199

Pavel V. USANOV, Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor. Faculty of Comparative Political Studies, North-West Institute of Management, RANEPА (57/43, Sredniy pr., Saint Petersburg, 199178, Russian Federation).
Email: usanovpv@mail.ru

FDR's New Deal: An Alternative View on Policies and Their Results

Abstract

Franklin D. Roosevelt's New Deal is usually treated as an example of successful government regulation of the economy. After Roosevelt's death, his image was glorified. Until recently, only a few scholars knew the facts forming a completely different image of the New Deal. In this paper, the New Deal programs (regulating industry, agriculture, labor market and financial markets, started by Herbert Hoover) are investigated as a result of a policy which extended the Great Depression. The main lesson is that any attempts to introduce a "New New Deal" can only create negative consequences for the economy. The article examines the actions of the Administrations created by Roosevelt during the Great Depression, which were regulating minimum wages, prices, and level of production. A special role was played by the National Recovery Administration (NRA), which had unprecedented power, combining the executive, legislative and judicial branches of the government. It was an unusually interventionist policy for the United States, which resulted in very slow and painful recovery of the US economy. The Great Depression began as a usual phase of the economic cycle, caused by the credit expansion by the Federal Reserve System, which increased the money supply by 62% from 1921 to 1929. It would have ended in a year, like the crisis of 1921, had it not been for Hoover's and Roosevelt's interventionist policies. The American people agreed to the policy of centralization during the Great Depression, because public opinion was prepared for this by intellectuals of the Progressive Era. They were able to convince the public that the Era of the active role of the State had come to the United States. Intellectuals were using their authority to fuel the destructive programs of the New Deal. The glorification of Roosevelt's image is largely a result of an alliance between the Big State and intellectuals.

Keywords: *New Deal, Great Depression, economic crises, economic history of the U.S.*

JEL: N12, N42.

References

1. Anikin A. V. *Istoriya finansovykh potryaseniy [The History of Financial Turmoils]*. Moscow, Olimp-biznes, 2002.
2. Armentano D. *Antitrust protiv konkurentsii [Antitrust and Monopoly]*. Moscow, IRISEN, 2011.
3. Bastiat F. *Chto vidno i chego ne vidno [That Which Is Seen and That Which Is Not Seen]*. Chelyabinsk, Sotsium, 2006.
4. Batalov E. Ya. *Amerikanskaya politicheskaya mysl' v XX veke [American Political Thought in the 20th Century]*. Moscow, Progress-Traditsiya, 2014.
5. Burgin A. *Velikaya revolyutsiya idey: vozrozhdeniye svobodnykh rynkov posle Velikoy depressii [The Great Persuasion: Reinventing Free Markets Since the Depression]*. Moscow, Mysl', 2017.
6. Buchanan J. *Sochineniya [Works]*. Moscow, Taurus Al'fa, 1997.
7. Wirth M. *Istoriya torgovykh krizisov v Evrope i Amerike [History of Trade Crises in Europe and America]*. Moscow, Knizhnyy dom «LIBROKOM», 2012.
8. Goldberg J. *Liberal'nyy fashizm [Liberal Fascism]*. Moscow, Rid Grupp, 2012.
9. Gregory P. *Politicheskaya ekonomiya stalinizma [The Political Economy of Stalinism]*. Moscow, ROSSPEN, 2006.
10. Galbraith J. *Velikiy krakh 1929 goda [The Great Crash, 1929]*. Minsk, Popurri, 2009.
11. Dalin S. *Ekonomicheskaya politika Ruzvel'ta [Roosevelt's Economic Policy]*. Moscow, SOTSEKGIZ, 1936.
12. Johnson P. *Sovremennost': mir s dvadtsatykh po devyanostye [Modern Times. The World from the Twenties to the Nineties]*. Moscow, Anubis, 1995.
13. Znamenskiy A. *Politika prezidenta Ruzvel'ta i mif o protsvetanii SShA vo vremena Vtoroy mirovoy voyny [President Roosevelt's Policy and the Myth of the U.S. Prosperity in the WWII Years]*. *Klio*, 2015, no. 6, pp. 19-31.
14. Keynes J. *Obshchaya teoriya zanyatosti, protsenta i deneg. Izbrannoye [The General Theory of Employment, Interest and Money. Selected Works]*. Moscow, Eksmo, 2007.
15. Mal'kov V. L. *Velikiy Ruzvel't. «Lis v l'vinoy shkure» [The Great Roosevelt: "The Fox in the Lion's Skin"]*. Moscow, Eksmo, 2011.
16. Mal'kov V. L. *Nevyuchennyy urok: Velikaya depressiya v proshlom i nastoyashchem [The Lesson Unlearned: The Great Depression in the Past and in the Present]*. In: *Mirovoy ekonomicheskyy krizis 1920-kh - nachala 1930-kh godov: istoriya i sovremennost' [The World Crisis of the 1920s and the First Half of the 1930s: The Past and the Present]*. Moscow, IVI RAN, 2009, pp. 50-86.
17. Mal'kov V. L. *«Novyy kurs» v SShA: sotsial'nyye dvizheniya i sotsial'naya politika [The U. S. New Deal: Social Movements and Social Policy]*. Moscow, Nauka, 1973.
18. Mises L. von. *Chelovecheskaya deyatelnost' [Human Action]*. Chelyabinsk, Sotsium, 2012.
19. Momot M. V. *Demokratiya i ee posledstviya [Democracy and Its Consequences]*. Moscow, Territoriya budushchego, 2013.
20. Nasar S. *Put' k velikoy tseli [Grand Pursuit]*. Moscow, AST, 2013.
21. Olson M. *Logika kolektivnykh deystviy [The Logic of Collective Action]*. Moscow, Fond ekonomicheskoy initsiativy, 1995.
22. Romanchuk Ya. *Teoriya i praktika provalov gosudarstva [The Theory and Practice of Government Failure]*. Minsk, 2013.
23. Rothbard M. *Velikaya depressiya v Amerike [America's Great Depression]*. Moscow, IRISEN, Mysl', 2012.
24. Rothbard M. *Istoriya denezhnogo obrashcheniya i bankovskogo dela v SShA [A History of Money and Banking in the United States]*. Chelyabinsk, Sotsium, 2009.

25. Rotunda R. *Liberalizm kak slovo i simbol [The Politics of Language: Liberalism as Word and Symbol]*. Moscow, Chelyabinsk, Sotsium, 2016.
26. *Ruzvel't: pro et contra. Antologiya [Roosevelt: Pro et Contra. An Anthology]*. SPb., RKhGA, 2015.
27. Roosevelt F. *Besedy u kamina. O krizise, oligarkhakh i voyne [The Fireside Chats of Franklin Delano Roosevelt]*. Moscow, Algoritm, 2012.
28. Sapov G., Kizilov V. *Inflyatsiya i ee posledstviya [Inflation and Its Consequences]*. Moscow, Panorama Center, 2006.
29. Skousen M. Kto predskazal Velikuyu depressiyu? [Who Predicted the 1929 Crash?]. In: *Teoriya ekonomicheskogo tsikla [The Theory of Business Cycle]*. Chelyabinsk, Sotsium, 2012.
30. Sogrin V. V. *SShA v XX-XXI vekakh. Liberalizm. Demokratiya. Imperiya [The U.S. in the 20th and 21st Centuries: Liberalism, Democracy, Empire]*. Moscow, Ves' mir, 2015.
31. Stedman Jones D. *Rozhdeniye neoliberal'noy politiki: ot Hayeka i Fridmana do Reagana i Thatcher [Masters of the Universe: Hayek, Friedman, and the Birth of Neoliberal Politics]*. Moscow, Sotsium, Mysl', 2017.
32. Travin D. Ya., Marganiya O. L. *Modernizatsiya: ot Yelizavety Tudor do Yegora Gaidara [Modernization: From Elizabeth Tudor to Yegor Gaidar]*. Moscow, Ast-Astrel', 2011.
33. Usanov P. V. *Modernizatsiya posle modernizatsii: liberal'nye reformy v razvitykh stranakh [Modernization After Modernization: Liberal Reforms in the Developed Countries]*. SPb., Izd-vo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2014a.
34. Usanov P. V. Chto takoe praksiologiya? [What is Praxeology?]. In: *Kapitalizm i svoboda [Capitalism and Freedom]*. SPb.: Nestor-istoriya, 2014b.
35. Huerta de Soto J. *Den'gi, bankovskiy kredit i ekonomicheskiye tsikly [Money, Bank Credit, and Economic Cycles]*. Chelyabinsk, Sotsium, 2008.
36. Folsom B. *Novyy kurs ili krivaya dorozhka? [New Deal or Raw Deal?]*. Moscow, Mysl', 2012.
37. Hayek F. *Doroga k rabstvu [The Road to Serfdom]*. Moscow, Liberal'naya missiya, 2005.
38. Heywood A. *Politologiya [Politics]*. Moscow, YUNITI-DANA, 2005.
39. Higgs R. *Krizis i Leviatan [Crisis and Leviathan]*. Moscow, IRISEN, 2010.
40. Hülsmann J. *Posledniy rytsar' liberalizma: zhizn' i idei Lyudviga fon Mizesa [Mises: The Last Knight of Liberalism]*. Moscow, Sotsium, 2013.
41. Chernyavskiy G. I. *Franklin Ruzvel't [Franklin Roosevelt]*. Moscow, Molodaya gvardiya, 2012.
42. Shevlyakov M. V. *Velikaya depressiya. Zakonomernost' katastrofy, 1929-1942 [The Great Depression. The Inevitability of the Catastrophe, 1929-1942]*. Moscow, Pyatyy Rim, 2016.
43. Sherwood R. *Ruzvel't i Gopkins glazami ochevidtsa [Roosevelt and Hopkins: An Intimate History]*. Moscow, Izd-vo inostrannoy literatury, 1958.
44. Anderson B. *Economics and the Public Welfare: Financial and Economic History of the United States, 1914–1946*. N. Y., D. van Nostrand Company, 1949.
45. Badger A. *The New Deal: The Depression Years, 1933-1940*. N. Y., Hill-Wang, 1989.
46. Beard C. *President Roosevelt and the Coming of the War 1941*. N. Y., Yale University Press, 1948.
47. Coode T. H., Bauman J. F. *People, Poverty, and Politics: Pennsylvanians During the Great Depression*. East Brunswick, N. J., Associated University Presses, 1981.
48. Flynn J. *The Roosevelt Myth*. N. Y., The Devin-Adair Company, 1948.
49. Henderson D. R. *The U. S. Postwar Miracle*. N. Y., Mercatus Center, 2010.
50. Johnson P. *A History of the American People*. N. Y., HarperCollins Publishers, 1997.
51. Krugman P. *The Return of Depression Economics and the Crisis of 2008*. N. Y., Norton, 2009.
52. Kuznets S. *National Product in Wartime*. N. Y., National Bureau of Economic Research, 1945.

53. Leuchtenburg W. *Franklin D. Roosevelt and the New Deal, 1932-1940*. N. Y., Harper & Row, 1963.
54. Poulson B. *Economic History of the United States*. N. Y., Macmillan Publishing Co., Inc., 1981.
55. Reed L. *Great Myths of the Great Depression*. N. Y., Mackinac Center for Public Policy, 2008.
56. Robinson E. *The Roosevelt Leadership 1933-1945*. N. Y., J. B. Lippincott Company, 1955.
57. Westbrook R. Tragic Deal. *Reviews in American History*, 2015, vol. 43, no. 1, pp. 1-13.